

Из-под подножия горы внезапно донеслась странная, причудливая мелодия. Звук напоминал игру на флейте, но в нём не хватало чистоты и лёгкости, он походил на свирель Чжусяо, но был пронизан резкими, колючими нотами. Мелодия тянулась, извиваясь, уходя в самую высь, пока её отзвуки окончательно не растворились в небесах.

Дон! Дан! Глухие удары начали разноситься по всей горе Цишань. Гул поднимался от подножия, где жили смертные, до самых облачных пиков, отражаясь эхом в стенах Храма Цишань, украшенного драгоценными камнями и золотом. Если прислушаться, можно было уловить нечто поразительное: этот глухой рокот был не чем иным, как стоном натянутых железных цепей!

Пока юные небожители в храме пребывали в недоумении, раздался громopodobный рёв, потрясший небосвод. Храм затрясся, охваченный паникой. Малыши сбились в кучки, собирая духовную энергию в ладонях, чтобы отразить остаточные волны этой яростной мощи. И тут раздался раскатистый, безумный хохот.

— Ха-ха-ха-ха-ха... Прошла тысяча лет! А-ха-ха-ха-ха, тысяча лет! — голос пришельца был мощным, он сливался с эхом долины, и каждое слово падало на землю, словно удар молнии.

Внезапно птицы в лесу разлетелись в разные стороны. Пришелец оказался вовсе не человеком: то был огромный зверь-демон, похожий на обезьяну, с белой головой и красными лапами, закованный в медно-красные цепи. Он проламывался сквозь горные хребты, круша деревья. В южных землях, подвластных Божественному владыке Чжуцюэ, сотни лет не было войн, а владыка любил часто менять своих юных помощников, поэтому никто в храме не знал, что это за тварь. Небожители в панике бросились врассыпную, а один, споткнувшись, с грохотом рухнул на землю.

— А-а! Враг! Скорее доложите владыке! — закричал он, пытаясь подняться.

— Что?! Хорошо! — отозвался другой, взмахнул рукой, призывая облако, и поспешно умчался прочь.

— Кхе-кхе-кхе... — юный небожитель с трудом выпрямился, стараясь не выглядеть жалко перед лицом врага. Владыка говорил, что их помощники в Храме Цишань могут потерять что угодно, но только не лицо.

— Ха-ха-ха-ха-ха, тысяча лет... — зверь с белой головой и красными лапами, полагаясь на свою исполинскую силу, ничуть не боялся сковывавших его цепей. Он даже вырвал несколько ослабших звеньев и, сжимая их в кулаке, с яростью ударил по горному склону. — Хе-хе-хе, даже гора Цишань изменилась! А-ха-ха-ха-ха! — Медно-красная цепь обладала невероятной мощью, и от ударов по скале посыпались камни.

— Кто ты такой! Кхе-кхе-кхе... — гордый юный небожитель прижал руку к груди и, набравшись смелости, выпрямился. — Знаешь ли ты, что это храм Божественного владыки Лингуана!

— Именно! Как ты смеешь чинить беспорядки в землях владыки Лингуана! Какая дерзость!

— Когда владыка прибудет, он непременно изгонит тебя! Убирайся, пока цел!

Небожители собрались вместе, чтобы приободрить друг друга. Но для огромного зверя всё это выглядело нелепо, словно богомол, пытающийся остановить колесницу.

— Я? — зверь с белой головой и красными лапами прищурился с недоброй усмешкой. — Я старый друг Божественного владыки Лингуана! Пришёл сегодня, чтобы навестить его и вспомнить былое! — С этими словами он собрал в ладони вихрь и подбросил в воздух нескольких юных небожителей. Стоило ему слегка сжать пальцы, как несчастные превратились в кровавое месиво. В воздухе повис густой запах крови, перебивший тонкий аромат благовоний храма. — Ха-ха-ха-ха-ха, а-ха-ха-ха...

— А-а-а-а-а-а!

— На помощь! Спасите!

— Владыка! Почему владыка всё ещё не пришёл?!

Огромные лапы зверя сотрясали землю, каждое движение вызывало землетрясение, и небожители в ужасе разбегались кто куда.

— Хм, посмели дерзить мне в лицо! — зверь удовлетворённо усмехнулся и поправил на себе алую броню. Если бы не жестокость, с которой он только что расправился с жертвами, его можно было бы принять за могучего воина небес.

— А-ха-ха-ха, великий государь так силён! Великий государь так силён! — Различная нечисть, словно ростки после дождя, начала выползать из-под земли. Появившись на свет, они, уродливые и злобные, окружили своего предводителя, ликуя и прыгая. Самые смелые пробрались в храм и, подражая зверю, начали хватать отбившихся от толпы помощников и пожирать их. Эти небожители обладали слабой силой, но были чисты душой, что делало их идеальной пищей для демонов и духов, стремящихся к совершенствованию.

Роскошный храм Чжуцюзэ на горе Цишань в одночасье превратился в кровавый ад, из которого не было выхода.

В самый разгар бесчинств откуда-то издалека донёсся чистый и звонкий крик феникса. Один этот звук развеял яростный вихрь, поднятый демонами, и восстановил спокойствие в округе. Нападавшие ёкаи и духи были отброшены прочь и с силой ударились о землю. Те, кому повезло, отделались лишь переломами и болью, а менее удачливые скатились в ущелье, превратившись в кровавое месиво.

— А! Владыка пришёл!

— Это владыка! Владыка вернулся!

Ликующие крики небожителей заглушили стоны умирающих. Спасшиеся от гибели, они поднимали головы и смотрели на самое высокое место в храме — Террасу Встречи Феникса.

Алые перья, объятые огнём Ли, постепенно угасали. Женщина в красном одеянии танцевала на ветру, не обращая внимания на растрёпанные пряди волос. Стоя на террасе, она смотрела на происходящее узкими, приподнятыми к вискам глазами, в которых читались три части величия, три части усталости и одна часть гордого презрения.

— Владыка, вы наконец вернулись! — юные небожители, плача от радости, обессиленно оседали на землю.

Женщина в красном с высокой причёской была хозяйкой Храма Чжуцюзэ на горе Цишань, Божественным владыкой Лингуаном, охраняющим южные пределы. Она лениво приоткрыла свои фениксовы очи, высоко вскинула подбородок и с томной, чарующей ноткой в голосе произнесла:

— О? И кто же это с утра пораньше нарушает мой покой? Оказывается, это господин Чжуянь...

Услышав это, небожители переглянулись. Никто из них не мог и подумать, что этот зверь с белой головой и красными лапами, похожий на огромную обезьяну, — тот самый древний демон Чжуянь, которого их владыка Лингуан тысячу лет назад поверг и заковал в медно-красные цепи под горой Сяоцы! Легенды гласили, что рёв Чжуяня подобен крику обезьяны, и всюду, где он проходит, начинаются войны. Выходит, он прорвал печать и пришёл на гору Цишань мстить их владыке. Увы, видно, сегодня был неудачный день для выхода в свет, раз они попали в такую беду.

— Что такое? Печать на горе Сяоцы разрушена? Или же, господин, вы так нетерпеливо желали встречи со мной? — Лингуан смягчила взгляд, и теперь она казалась обычной смертной женщиной, нежно беседующей со своим возлюбленным. В головах небожителей вновь зароились догадки: неужели Чжуянь был заточён на горе Сяоцы тысячу лет назад только потому, что обидел их владыку? Нет-нет, судя по её виду, это скорее она его обидела! Ох, что же произошло на самом деле? Всё это так сложно, видимо, их мастерство совершенствования ещё слишком низко! Надо будет усерднее практиковаться.

Чжуянь дёрнулся и, стараясь сохранять спокойствие, ответил:

— Божественный владыка Лингуан, не виделись тысячу лет. Надеюсь, вы процветаете? — С этими словами он медленно поднял руку и раскрыл ладонь, на которой блестели медно-красные цепи. — Вашими стараниями эта цепь впивалась мне в ключицы целую тысячу лет. Вы же, владыка, по-прежнему прекрасны, и наверняка вокруг вас полно небожителей и слуг, так

что обо мне вы вряд ли вспоминали. А я вот, под горой Сяоцы, каждый день только о вас и думал.

— О? Ха-ха! — Лингуан рассмеялась, прикрыв свои узкие глаза, и густые ресницы отбросили веерообразную тень, скрыв влажный блеск в её взгляде. Все присутствующие духи и небожители замерли — поистине, она была существом, способным вскружить голову всему миру. — Не ожидала, что господин Чжунцзян питает ко мне такие глубокие чувства.

Лишь Чжунцзян в этот момент помрачнел, сжимая кулаки так, что кости захрустели.

— Хм, это действительно... врезалось в память! — В его глазах промелькнула злоба, и он рывкнул: — Получай! — С этим криком он нанёс сокрушительный удар, превратив огромный валун в пыль.

Увидев атаку, Лингуан легко и грациозно взмыла в воздух с Террасы Встречи Феникса. В мгновение ока она превратилась в огненный лотос, распутившийся в небесах. Небожители прищурились: они видели лишь золотую корону и алые перья, когда феникс, окутанный огнём Ли, стремительно бросился на толпу демонов. Она кружилась в танце, напоминающем битву, и повсюду, где она пролетала, вспыхивало пламя, заставляя демонов взывать о пощаде. В море огня она расправила крылья и издала победный крик, полный величия и гордости древнего священного зверя.

— Ха! — Чжунцзян пытался предугадать её движения и наносил удар за ударом, но Лингуан, приняв свой истинный облик, была слишком быстрой и неуловимой. Ни один удар не достиг цели, а сам он получил ожоги от огня, вырывающегося из-под её крыльев.

— А-ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха! — Лингуан, видя, что враг не может её задеть, зависла в воздухе. Она высоко подняла голову, и её золотая корона засияла в отблесках пламени. Встряхнув перьями, она насмешливо произнесла: — Ха-ха-ха, господин, видать, за тысячу лет заточения ваша меткость сильно подпортилась! А-ха-ха-ха-ха!

Деревня Аньнин была маленьким поселением на юге. В нескольких ли в южном направлении от неё лежала Долина Чжунцзян с её прозрачными водами и чистыми горами. В мире людей всегда говорят: живёшь у горы — кормись горой, живёшь у воды — кормись водой. Ароматные травы, в изобилии растущие в долине, стали основным источником заработка для жителей Аньнин. Из поколения в поколение они передавали секретные рецепты изготовления румян и благовоний. Некоторые из этих средств, созданные после долгих поисков и проб, стали настоящей роскошью, за которую знатные дамы из близлежащего города Ло готовы были платить огромные деньги.

Если говорить о том, у кого в деревне получают лучшие пудры и мази, то это, несомненно, была старшая дочь семьи Су. Её звали Су Фанму, и имя её было дано в честь красителя суфанму, что отражало надежды матери.

— Сестрица, сестрица, когда мы будем ужинать? Инъэ так проголодалась! — Су Инъэ была

младшей дочерью. Родители девочек погибли два года назад во время стихийного бедствия, и Су Фанму пришлось в одиночку растить сестру и заниматься семейным делом, взяв на себя обязанности обоих родителей. К счастью, Фанму была решительной и независимой, и ещё при жизни родителей начала помогать им по хозяйству, так что за год она научилась справляться со всеми делами безупречно. Сейчас тринадцатилетней Фанму приходилось заботиться о шестилетней сестре. Куриный суп на плите уже источал соблазнительный аромат, заставляя Инъэ жалобно просить еду.

— Терпи, Инъэ, подожди, пока суп немного остынет. Не обожги губы, — Фанму налила миску супа и поставила перед сестрой. Сама она не успела даже присесть, как принялась растереть травы: она хотела успеть до заката подготовить две порции краски для бровей Лазурная птица, которые заказала госпожа Гуань из города Ло, чтобы через три дня вовремя доставить товар.

— Фанму, беда, просто беда! — в этот момент в дом, спотыкаясь, вбежала женщина.

— Тетушка Ван, присаживайтесь скорее, — Фанму, увидев старую знакомую, которая помогала ей с детства, поспешила подставить стул. — Тетушка Ван, говорите медленнее, что случилось?

— Ох, Фанму, — тетушка Ван ухватила за тонкую руку девушки. — Та госпожа Гуань из города Ло сегодня прислала весточку: говорит, её кузина, вышедшая замуж в город Фаньчэн, через три дня возвращается навестить родню, а у той под рукой нет подходящих украшений. Вот госпожа Гуань и надумала заказать ещё три порции румян Золотой цветок в придачу к тем краскам для бровей, что заказывала раньше. Ну что за люди эти богачи, вечно одни проблемы! Госпожа Гуань всё думала-думала и решила, что сама останется в проигрыше, ведь Лазурная птица — товар модный, и все дамы в городе гоняются за новинками. А раз она отдаст свой заказ кухне, ей самой ничего не останется, а делать новую партию долго, боится, что мода пройдёт. Вот и решила заказать ещё две коробочки. Итого выходит...

— Итого выходит, что я должна за три дня изготовить три порции Золотого цветка и четыре порции Лазурной птицы, — Фанму поджала губы и твёрдо сказала: — Тетушка Ван, это же явное притеснение нас, простых людей, со стороны богатого дома. Передайте ей: в нашей договорённости чёрным по белому написано — две порции, значит, две. Больше я сделать не в силах.

— Ох, Фанму, семья Гуань в городе Ло обладает огромной властью, нам с ними лучше не связываться, — тетушка Ван с беспокойством посмотрела на растёртые травы. Она знала, как сложен процесс изготовления Лазурной птицы и как трудно собрать сырьё, но что делать с семьёй Гуань, чтобы не навлечь на себя беду? — Эх, мы в деревне Аньнин веками поклоняемся Божественному владыке Чжуцзюэ, но не видим от него защиты. Сначала оползень два года назад, теперь вот дела в деревне идут всё хуже...

— Тетушка Ван, жизнь полна взлётов и падений, у каждого своя судьба, как можно винить во всём богов? — Фанму слегка улыбнулась. На её юном лице не было той беззаботности, что положена её годам, зато в голосе звучала уверенность. — Тетушка, я сейчас напишу письмо, будьте добры, попросите кого-нибудь доставить его госпоже Гуань. Думаю, прочитав его, она откажется от дополнительного заказа.

<http://bllate.org/book/19783/1949572>